

Насколько земля единый организм (не говоря – Вселенная) мы не сознаём, увязая в суете повседневности, задавленные необходимой щеповой тщетою собственных заурядных забот; нужно поэтическое слово, чтобы прорваться к осознанному ощущению всеобщего космоса, и Евгений Степанов, наименовав новую книгу, вышедшую в серии «Библиотека «Поэтограда», «Младший брат травы» демонстрирует меру высокого понимания правды мироустройства.

Книга эта – долгая: в ней собраны стихи разных лет, рифмованные и верлибры, свидетельствующие в пользу широты возможностей поэта; не говоря – дара.

*И – не пищит сверчок запечный.
И – снова сшит мешок заплечный.
И – мета на стране моей
«Виридианы» вековечной,
Извечных «Окаянных дней».
И – кровь – рекой! – рекой! – как прежде.
Убийца – в новенькой одежде: –
Жить будет веселей! Огня!
И – государыне Надежде – Я – шут – :
– Гудбай. Прости меня.*

«Стихи о Родине» выстроены на лирическом порыве, включающем прозрения (И – кровь – рекой! – рекой! – как прежде), ибо стихотворение написано в 1991 году, и культурологический обширный космос, где испанская, казалось бы, «Виридиана» логично соседствует с «Окаянными днями», коих свидетелями мы становимся вновь и вновь...

Блажен, кто посетил...

Поэт – своеобразный сейсмограф бытия: он улавливает многие события прежде, чем они произойдут, и не вина поэта, что в России события – в основном – носят трагический окрас.

Простота «Цели» оборачивается необыкновенной сложностью: учитывая, насколько люди – заложники обстоятельств, и сколь прерывист пульс нашей жизни; внешне простой стих, вибрирует сложным содержанием, и красиво вспыхивает огнями такой человеческой правды, что трагедия раскалывает читательский мозг:

*Сейчас мне более полста,
Жизнь часто жжёт крапивой.
А цель моя, как день, проста –
Чтоб ты была счастливой.
И чтоб потом, когда пути
Земные оборвутся наши,
Нам вместе по небу идти
И пить из общей чаши.*

Катарсис часто в поэзии Степанова является следствием совершенной формы, отточенности строк, тех единственных слов, в корневой и необходимой сущности которых не усомнишься.

Поэт – всегда от световой вертикали: и, анализируя свет, его составляющие, его неизбывную силу, поэт рождает высверк афоризма, точно уложенного в краткие слова:

*свет в душе
и форма света
это формула поэта*

Поэт исследует свет, и, сопоставляя опыт бытования на земле с мечтою о правильном мироустройстве, делает интересные выводы, плотно уложенные в строки, чья весомость определяет меру серьёзности постижения бытия: как есть... как должно быть:

*Планета под названьем «Плохо»,
Где раздражает каждый чих.
И постоянно ждёшь подвоха
И от себя, и от других.
И всюду гибельные сети,
И неизбывна волчья сыть.
На этой сумрачной планете
И мне пришлось чуть-чуть побыть.
Но это не моя планета.
Мне хочется обжить скорей
Планету явственного света.
И – стать мудрей. И – стать добрей.*

...ведь поэзия, заставляя чувствовать на новых, тончайших оборотах и переосмысливать жизнь... могла бы в правильно выстроенном социуме помогать мудреть и добреть; поэзия Степанова – из этого ряда; боль охватывает от социума, равнодушного к феномену звучащей строки.

Мистическая необходимость – так можно определить суть стихотворения «Третий глаз», где, используя интересную метафорику и своеобразные волокна юмора, поэт волхвует:

*Третий глаз прорастает большой гематомой
Сквозь асфальт толстокожего лба.
Всей земле улыбаюсь, как старой знакомой.
Понимаю любого жлоба.*

Сильно вспыхивает белая соль стоицизма: столь необходимого, дабы достойно осуществлять жизненный план и верно следовать собственному вектору:

*Не одинок.
Один.
Со всеми.
И с Ним – рожденным в Вифлееме.
Ты сам избрал такую жизнь.
Избрал – не жалуйся, держись.*

Внутренняя концентрация поэта высока: и, не давая себе послаблений, Степанов открывает новые и новые поэтические горизонты.

Философия бытия прорезается парадоксально, ища единство в противоречиях, целостность – в разорванности:

*высший уровень речи
молчание
высший уровень молчания
речь
высший уровень скорости
остановка
высший уровень остановки
скорость*

Книга интересно выстроена композиционно: в ней – несколько кульминаций, и одна из очевидных – стихотворение, поделившееся названием с целостностью книги:

*Я знаю, что слова мертвы,
И дом стал старым, обветшалым.
Но я как младший брат травы
Сроднился с маленьким земшаром.
Дождь? Это здорово. Лучи
Сияют солнечные? Чудо.
Хоть целый день траву топчи,
Траве навряд ли будет худо.
Снег? Обожаю белый снег,
Покрывший спящие равнины.
Трава – снежинки – человек...
Мы все – едины.*

Прозрачная оптика стихотворения словно раскрывает каналы всепрятия бытия: ибо жизнь – слишком щедрый дар, чтобы праздно морщить лоб и криво впадать в депрессии; ибо чаша её – всегда поднята к солнцу, и снег, отдающий детством, настолько же таинственен, как и трава, будучи младшим братом которой поэт творит свою замечательную вселенную: пространную и много вмещающую, литературные лабиринты совмещающую с бытовыми, сквозь которые просвечивает золотая метафизика; и поэтическая вселенная Е. Степанова – щедро представлена читателю. Налицо великолепная алхимическая смесь, сулящая метафизическое злато результата.

Как поэт Степанов в равной степени интересно работает и в сфере классического рифмованного стиха и в недрах верлибра...

Он мудр и ироничен, он остро реагирует на современность, чьи пульсации улавливает по-своему: и так же интерпретирует:

*и снова брат идёт на брата
горят степные ковыли
душа персоною нон-грата
летит с обугленной земли
хандрит Майдан скорбит Мтацминда*

*и новый рок берет разбег
и улыбается ехидно
какой-то странный имярек...*

Одиночество человека в чрезмерном, каким стал теперь, переогромленном мире передано волшебно: и кристаллически жёсткая решётка, структура стиха подчёркивает оное.

Объёмный звук характерен для поэта: весь мир выкупан в нём: как знать, возможно слово, которое было в начале – тоже было поэтическим?

*Я жил тогда на даче, карантинном
Окованный, с природой тет-а-тет.
На языке синичьем и скворчином
Я говорил, как научил поэт.
На языке цветочном и клубничном,
На языке задумчивой ольхи.
И сосны, не гордясь своим величием,
Читали тихо мне свои стихи.*

Степанова часто демонстрирует столь тонкое отношение к природе, что, представляется, слышит рост трав... повесть корней... видит в листьях – великолепные лица...

Противопоставляется – стандартизация современного мира и глубинные пласты природы: противоречие, которое современному человеку так сложно преодолеть:

*То ЖЖ, то Фейсбук, то ВКонтакте...
Алчет власти бездонная сеть.
А травинки нам шепчут: «Прилягте!
Это классно – лежать и глазеть
На красивое синее небо,
На задумчивые облака,
Что подальше плывут от Эреба,
Сквозь беду, сквозь тоску, сквозь века.*

Смысловое лечение природой, рекомендованное поэтом, куда лучше современных технологий и ухищрений фармакологии:

*Мои врачи – лучи, и Боженька,
и стихотворчества ручей,
И лист блаженный подорожника.
Чуть-чуть боюсь других врачей...*

Есть стержневая алмазная стойкость в поэзии поэта: что бы не происходило, нельзя гнуться, надо выстоять, нужно найти сияющий град на холме...

Степанов видит его: словесно-философский град, он описывает его фрагментами, соприкасаясь с оным душой: пусть не войти туда, пока длится физическая жизнь, но можно напитать её благословенными излучениями.

Можно щедро поделиться с другими.

...Осыпаются тонкие иглы инея: они осыпаются с серебристых ветвей верлибра, и, рняя душу читателя, извлекают духовную кровь...

О, её необходимо пролить, чтобы человек сделался лучше!

*Человек
не может не любить*

*ты уходишь
но я от этого не умру*

*я найду
кого полюбить*

*человек
не может не любить*

*всё просто
всё сложно*

Амбивалентность бытия трактуется Степановым, как заложенная в человечестве необходимость.

Двойственно практически всё: а в современности, гудящей и свистящей технологиями, кажется, уже и не двойственность – растроенность, расцветверённость...

Взаимоотношения души и мозга не представляются возможными – по крайней мере, на сегодняшнем уровне развития человечества, но поэтическая трактовка этой проблемы – как знать? – может быть, приближает к истине (никогда, впрочем, не бывающей в последней инстанции, если говорить о человеческом бытовании на земле):

*Старею. Приближаюсь к вере.
Мозг уменьшается в размере.
Душа растёт, стремясь в Эдем.
Закрытые когда-то двери
Теперь открыты. Но зачем?
А в обнаженной ноосфере
Нет никаких мифологем.*

Новая книга – чем не повод, размышляя о творчестве Евгения Степанова, сказать и о его деятельности в целом на литературной ниве.

Он создал империю – тот её вариант, который не грозит войнами, захватами, подавлением мысли: ибо империя, сотворённая Е. Степановым – литературная...

Собственное издательство?

О, создавали многие, но, кроме него, и Союза писателей XXI века, основать десять периодических изданий, многие из которых стали известными?!

Такое удалось только Степанову, который, активно занимаясь издательской деятельностью, ни на минуту, кажется, не останавливался, как поэт, прозаик, учёный-филолог.

...И выходят журналы и газеты, основанные Е. Степановым, выходят неустанно, пропагандируя на своих страницах современную поэзию и литературную критику, самых разных авторов буквально отовсюду, авторов известных и молодых. Они печатаются «у Степанова»!

И звучит поэтическая проза самого Степанова – эссе, где трактуется феномен литературы широко: от взаимоотношений внутри литературного пространства до истолкования той, или иной поэтической индивидуальности.

И звучат пьесы и рассказы писателя.

И сделанное уходит в бесконечность перспективы, поражающая и завораживающая...

И уже после новой книги появляются новые стихи.

Подборка стихотворений Евгения Степанова в журнале «Звезда» (№ 7, 2023) насыщена своеобразием осмысления реальности – теми возможностями, какие предоставляет поэтический инструментарий.

*День быстро выгорел дотла.
Ночь холодна, бледна, постыла.
Вот жизнь моя... Она прошла.
А смерть пока не наступила.
Звонят, звонят колокола
Под сенью снов и небосвода.
Растёт путём зерна свобода –
Неудержима и смела.*

Стихотворение называется «Ходасевич в Париже»: компактная сжатость его, исполненная совершенно по-степановски,

отсылает к классику, и строгий перл Ходасевича, упомянутый в предпоследней строке, кидает своеобразный отблеск на поэтическую конструкцию современного поэта: рекущего о свободе... Вероятно, той – непредставимой, запредельной... В «Дневнике старого врача» отец русской хирургии Николай Пирогов писал о возможностях запредельного – после смерти – познания Истины, которую невозможно постигнуть тут, на земле, обитая в плотном теле...

Евгений Степанов мультикультурен; и много отблесков мысли из разных областей можно ощутить, соприкасаясь с его поэзией. Трагедия человека, оставшегося без любимой, декларируется с жесткой образностью:

*Это у людей-рептилий
Есть надёжная броня.
А когда тебя убили,
То убили и меня.
И теперь во рву вселенной,
Подгоняемый бедой,
Ходит-бродит убиенный
Человек один седой.*

...живой, воспринимающий данность пульсациями обнажённого сердца. Страшно.

Но поэзия Евгений Степанова – от светового вектора, катарсис заложен и в трагических стихах – и подборка в номере Санкт-Петербургского журнала доказывает это.

Отчаяние вскипает...

Есть ли вообще счастливые люди? Судьбы?

Отчаяние закипает знанием случившегося, оно – тяжелее вериг, хотя и не является добровольным выбором:

*Я принял жизнь за потерю и, как мальчишка, проиграл.
Жена погибла, сам болею. Жизнь перешла за перевал.
Фиаско. Все начать сначала я не смогу. Силенок нет.
Стихи нелепы, денег мало, карьерных никаких побед.*

«Я знаю» – гранёно и просто называется стихотворение, начинающееся такими строками и – опровергающее себя дальнейшими: словно перелом происходит, и дорога к свету обнажается, как подлинность глагола:

*Слезами-ливнями, печалью пропитана моя стезя,
Но и сейчас не привечаю уныния. Нельзя. Нельзя.
Я знаю, что свою эклогу я допишу когда-нибудь.
А если так угодно Богу, смогу её перечеркнуть.
Я знаю, что беда не вечна, не вечны морок и резня...
А на участке, как невеста, стоит береза. Ждёт меня.*

Жизнеутверждающая белизна финала мерцает огнями метафизической мудрости.

Строка удлиняется, принимая метафизически-бытовую начинку, ибо смешиваются начала, и жизнь вообще – столь тугое сплетение волокон:

– Чем ты занимаешься?

– Живу, мучаясь, как лещ, попавший в сети.

Назначаю, мрачный, randevу той, которой нет на белом свете.

– Выпиваешь?

– Пью валокордин, избегать стараюсь капотена.

Но дубина гибельных годин плоть мою калечит откровенно.

Я теперь и болен, и нелеп, и дошёл до ручки (или точки).

Не покажет умный Google Map райские земные адресочки.

Будет жизнь получше опосля – в садике библейского Эдема.

А куда ноги жжет земля и какая-то опять проблема.

Подборка стихотворений Евгения Степанова в пятом номере журнала «Нижний Новгород» строится на контрастах: острые углы врезаются в сознание, а белизна целит, как чистота. Соль опыта крупнозерниста; и в любой день приходится использовать её субстанцию. Поэтическая ясность Евгения Степанова отдаёт космическими мерцаниями: чёткость мысли свидетельствует о неустанной работе души.

В высоту устремлённый взгляд определён сине-небесной вертикалью, которой внимлет поэт, творя свои созвучия:

*Иду по огненной тропе,
Петляющей на грани фола.
А жизнь быстрее чем Мбаппе,
Звезда французского футбола.
Что толку плакать – я иду
Своей тропой и днём, и ночью,
Не слушая белиберду
Сорочью.*

*Иду по огненной тропе,
Меся ботиночками жижу.
И кедры, сосны и т. п.
Я вижу, а репы не вижу.*

Величайшее искусство творилось в империях: это исторический факт. И много было в империях хорошего. И много было страшного. Одна из книг Евгения Степанова так и называется «Империя». Поэт совмещает современность и вечность: взгляд его – с разных ракурсов, а что бывают стянет эти ракурсы одно – негоднее, современное, так уж тут не Фёдора Михайловича вина, памяти которого посвящено первое стихотворение книги:

*Бесы стали гибельною силой.
Неужели здесь они одни?
Что же делать? Господи, помилуй!
Господи, спаси и сохрани!*

Язык Евгения Степанова интенсивен, густ, ярко окрашен; лица существительных разнообразны: то серьёзная мина, за которой маячит ухмылка, то – скорбь, которую не подделать.

А вот – заглавное стихотворение:

*Сродни тарифам ЖКХ
Растёт империя греха.
Растёт и расширяется.
Сосед (торчок) ширяется.
Растёт империя греха.
Куда ни кинь – везде труха,
Пиар и фанаберия.
Греховная империя.*

И здесь – точно проанализирована современность, всё больше и больше способствующая росту этой империи, в которой, увы, высота духа человека под вопросом.

Стихи книги, как правило, кратки, с сильным мускульным нажимом мысли, и, начав повествование с бумеранга, Степанов подведёт его к финалу:

*Не умирает бумеранг
И размножается в полёте.
И танк идёт – как танк – ва-банк,
Дорогу проложив пехоте.*

Русская вольница, множимая причудливо на русскую правду, интересно прочитывается в исполнении Степанова:

*Не знаю – может быть, и голь мы.
Потёртые у нас порты.
Быть русским – значит, с колокольни
Плевать на деньги и понты.
Быть русским – делать то, что можем:
Пахать, творить, молиться, петь.
И быть счастливым в храме Божьем.
А вне – терпеть.*

Ага...

Авось...

А вместе с этим – такая небесная правда в этом феномене: быть русским...

Много заложено в поэзии Степанова, многое таится в краткости стихов, их обращённости к свету, их полифоничности, символах, раскрывающихся через образный строй, языковой ясности, занимающей у шаровой бездны выси; многое сказано граду и миру: остаётся надеяться, что «империи» (в лучшем смысле), выстроенные поэтом, заставят видеть и внимать своему свету.

г. Москва